

«СВОЕ ШЕСТИДЕСЯТИЛЕТНЕ

СЧИТАЮ ВЕЛИЧАЙШЕЙ ШУТКОЙ!»

Божидар БОЖИЛОВ

— НЕ ОГОРЧАЙСЯ. — предупреждают меня болгарские друзья, — если тебе не повезет с интервью. Божидар — замечательный писатель, умнейший человек, отличный собеседник, но...

— Слишком занят? — мне становится не по себе, так как времени в обрез, а откладывать свидание с юбиляром никак нельзя — ведь день рождения не перенесешь из номера в номер, а тем более не оставишь «на потом».

— Нет, не в том дело, что занят, хотя работы у него сверх головы: член бюро правления Союза болгарских писателей, первый заместитель председателя Союза переводчиков Болгарии, главный редактор газеты «Пулс». Это лишь часть его повседневной работы. А книги, пьесы, статьи? Божидар Божилов в расцвете своего творчества, много пишет, переводит...

— Так что же, — спрашиваю, — может быть, он просто не любит давать интервью?

— Сама увидишь, — загадочно напутствуют меня коллеги в редакции «Литературен фронт».

И вот я пожимаю руку очень высокого человека аскетического вида, похожего не то на бывшего английского премьер-министра, не то на героя Сервантеса. Но сходство с этими столь противоположными фигурами мгновенно улетучивается, как только Божидар Божилов произносит первую фразу и сразу становится самим собой:

— Шестидесятилетие? Произшла явная ошибка — мне сорок!..

Глаза сверкают озорством, и я с готовностью «принимая подачу»:

— Простите, я что-то перепутала. Но дело не в

возрасте, конечно. Меня, например, интересует ваше самочувствие.

— Спасибо, чувствую себя отлично. Сегодня особенно хорошо, потому что вчера в издательстве «Народна култура» вышла в свет моя новая книжка — двуязычное издание стихотворений современного американского поэта Уильяма Мередита, лауреата Валцаровской премии. Перевод мы сделали вдвоем с женой.

— Я слышала, что в год вашего «сорокалетия» в издательстве «Болгарский писатель» выйдет двухтомник Божидара Божилова, составленный из поэтических, прозаических и драматургических произведений...

— Будем надеяться. А тем временем в журнале «Септември» напечатан детективный роман «Западня». На русском языке этот роман будет опубликован в издающемся в Софии журнале «Наша родина». Кроме того, в издательстве «Народна младеж» должен выйти сборник «Любовная лирика» — он, правда, уже выходил в прошлом году, но его раскупили за два

дня, и поэтому решено было выпустить второе издание.

— А чем вы порадуете театралов?

— Закончил пьесу «Последняя ночь» — о семье Димитра Благоева, основателя Болгарской коммунистической партии. В этом году собираюсь показать ее в театре. В прошлом году я отказался от постановки, так как пьеса показалась мне незавершенной.

— Итак, на всех литературных фронтах — и в поэзии, и в прозе, и в драматургии — дела у вас идут неплохо: И, судя по всему, вам помогает справиться с колоссальным объемом работы ваше чувство юмора. Скажите, юмор для вас — это литературный прием или взгляд на жизнь?

— Мой большой друг, член вашей редколлегии Георгий Гулиа включил несколько моих шуточных историй в свою книгу «Рассказы моих друзей». Вообще предпочитаю не говорить о юморе, а люблю шутки в жизни. Свое шестидесятилетие, например, считаю величайшей шуткой. Чувствую себя

совсем молодым — настолько, что, кажется, могу стать новобранцем. Но жизнь меня разоблачит.

— Значит, у вас есть какой-то секрет молодости?

— Их два. В газете «Пулс» я работаю с молодыми литераторами. Это тайный секрет молодости. А явный секрет... — Божидар хитро прищуривается. — Почитайте стихи Андрея Вознесенского и Владимира Соколова, которые они мне посвятили, и все узнаете.

Я обещаю прочесть стихи, а он — дать интервью для «ЛГ».

— Мы ведь так ни о чем еще не поговорили, — смеется Божидар. — Приходите в гости, жена приготовит чай, и не спеша поболтаем. А может, назначим встречу в Москве?

На том и порешили.
Анна МАРТЫНОВА,
спец. корр. «ЛГ»
СОФИЯ, март

Рис. Ивана ДИМОВА

■ Для песни нужен воздух и пейзаж. Она легко парит в нем, словно птица, и отдохнуть на провода садится — бегущих дней надежный тайный страж, и каждый шаг сопровождает наш... И солнце спускает ее и медлит скрыться.

Осень

Станут желтыми листья — листья в свете закатном. А дни улетают — не вернутся обратно.

Листья лягут на землю, чтоб исчезнуть бесследно. ...Мне казались они счастьем, правдой, победой

тем немыслимым летом, полным веры и силы. Помню, первое золото на картон положила

осторожно рука... Праздник света и счастья — хоть она и не знала — был тогда в ее власти!

Всюду листья теперь — желто-красные пятна. Лето гаснет. Оно не вернется обратно,

незаметно исчезнет, растает, утонет... Но рука на картон снова краску уронит!

Пусть она нарисует вдохновенною кистью дней осенних дыханье, листья... Желтые листья.

Собеседник

Не позвонил тогда я никому. И ни в одну не постучался дверь. Стихи и я — и больше никого. Я разговаривал привычно с Заболоцким — с давнишним собеседником любимым, похожим на суровые деревья, на камни странные, на Революцию, прозрачно чистую, как озеро в лесу, в котором утоляют жажду дети и птицы на мятущейся земле.

Ах, как я умно поступил! Нет у меня воспоминаний о телефонном разговоре, об удивительном обеде на даче или в ресторане, о маленьком письме, в котором так ничего и не сказали. Зато я знаменем владею и подниму его в минуту, когда оно нужней всего. Зато есть радость у меня от безмятежного рассвета с неярким полусонным солнцем. Зато теперь я твердо знаю, что мое сердце будет биться в такт тысячам людских сердец.

Перевела Лорина ДЫМОВА